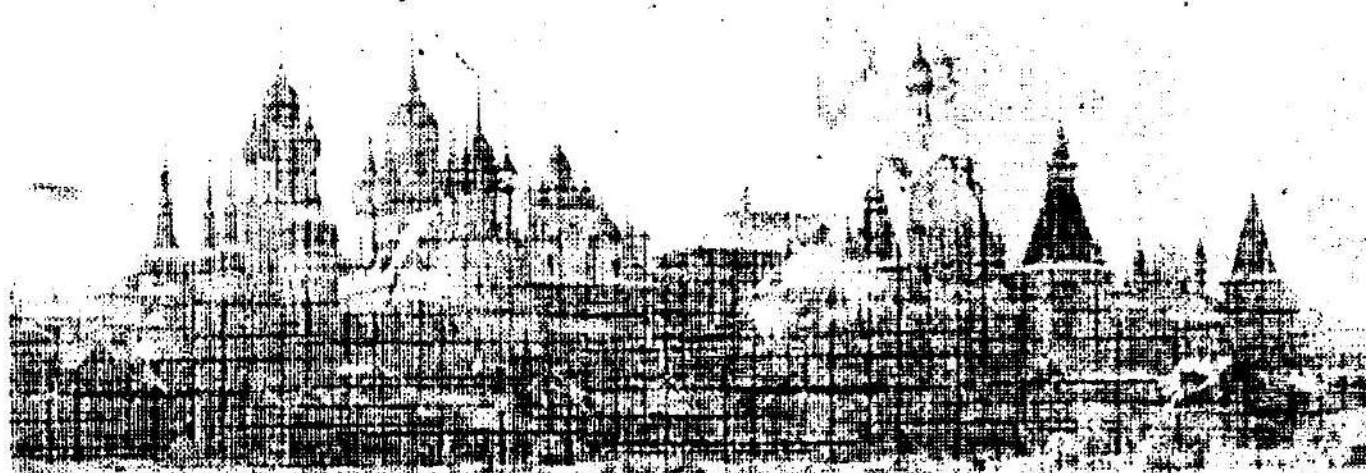

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Г О Б О Р

(альманах по религиоведению)

Елец - 1999

Совещания" при МВД, заседавшего в Петербурге в конце апреля - мае 1914 г. (22) Начавшаяся же первая мировая война вообще свела на нет попытки российской государственности возвысить роль шариата в той мере, каковая могла бы обеспечить более грамотную в правовом отношении работу мусульманских судов Туркестана.

Вышеизложенное убедительно свидетельствует о том, что российское государство относилось к мусульманскому праву - шариату в Средней Азии не только терпимо, но и уважительно, обеспечивало свободную деятельность основанного на нем судопроизводства. И если российским властям в Туркестане не удалось достичь поставленных целей, то в этом повинны прежде всего невежественные и малограмотные во всех отношениях исламские судебные деятели.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К.Маркс. Греческое восстание.- К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., изд. 2-е. -Т.10. -С.130.

2. См.напр.: Исаев И.А. История государства и права России. М., 1998; История государства и права России. Под ред. Ю.П.Титова.- М., 1997; История государства и права России. Под ред. С.А.Чибирева.- М., 1998.

3. Автор категорически не согласен с использованием этого географического термина применительно к Средней Азии. См. Подробнее об этом: Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865 - 1917) / По архивным материалам. Елец, изд. ЕГПИ, 1998.- С.19, 272.

4. См. напр.: "Положение об управлении Туркестанского края" от 12 июня 1886 г. - Полное собрание Законов Российской империи (собр. 3-е). -Т.6. -СПб., 1888; "Временное положение об управлении Закаспийской области" от 6 февраля 1890 г. - Там же. -Т.10, отд.1. -СПб., 1892.

5. Архив Государственного Исторического музея (АГИМ), ф. И - 307 (Гродеков Н.И.) оп. 1, д.42, л.1 - 1об.

6. АГИМ, ф. И - 208 (Черняев М.Г.), оп. 1, д.11, л.80.

7. Центральный государственный военно-исторический архив РФ (ЦГВИА РФ), ф. И - 400 (Азиатская часть Главного штаба), оп. 1, д.334, л.129 об.

8. См. напр.: История государства и права Узбекистана. Т.1 Ташкент, 1969; История государства и права Казахской ССР. Т.1. Алма - Ата, 1982.

9. ЦГВИА РФ, ф. И - 400, оп.1, д.557, л. 171об - 172.

10. АГИМ, ф. И - 208, оп. 1, д.11, л. 77об.

11. См. напр.: Центральный Государственный исторический архив РФ (ЦГИА РФ), ф. И-1282 (Канцелярия министра внутренних дел), оп.3, д.320, л. 3 - отчет военного губернатора Ферганской области генерал - майора Чайковского.

12. Центральный государственный архив Узбекистана (ЦГА Узб.), ф. И - 17 (Сыр - дарьинское областное правление), оп. 1, д.673, л.49.

13. ЦГИА РФ, ф. И - 1284 (Департамент общих дел МВД), оп. 223, д.205, л.69.

14. АГИМ, ф. И - 307, оп. 1, д.48, л.19.

15. См.: Хидая. Комментарии мусульманского права. Под ред. Н.И.Гродекова. Ташкент, 1893 (т. 1 - 513 стр.; т.2 - 462 стр.; т.3 - 423 стр.; т.4 - 319 стр.)

16. ЦГИА РФ, ф. И-1282, оп. 3, д.240, л.166 - "Всеподданнейший" отчет военного губернатора Ферганской области за 1896 г.

17. ЦГИА РФ, ф. И - 1396 (Ревизия сенатора К.К.Палена Туркестанского края), оп. 1, д.8, л.12.

18. Туркестанские ведомости, 1909, № 105, 22 мая.

19. Туркестанский курьер, 1909, № 119. См. также о работе съезда в №№ 113 - 117.

20. ЦГВИА РФ, ф. И - 165 (Куропаткин А.Н.), оп. 1, д. 4995, л.2.

21. ЦГВИА РФ, ф. И - 89 (Поливанов А.А.), оп. 1, д. 29, л.16.

22. См.: ЦГВИА РФ, ф. И - 8211 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД), оп. 133, д.д. 573,576.

П.П. Литвинов

ОТ ХРИСТА К МАГОМЕТУ: РЕЛИГИОЗНОЕ РЕНЕГАТСТВО В СРЕДНЕЙ АЗИИ (конец XIX - начало XX вв.) (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Проблема религиозного ренегатства как "отпадения" верующих от "господствующей" (огосударственной) конфессии - православия в до-революционной России была достаточно острой издавна. Еще начиная с "ересей" средневековой Руси тысячи православных уходили в преследуемые властями секты "стригольников", "новгородо-московцев" и др., присоединялись к приверженцам "еретиков": Федора Доброго, епископа Евфимия Висленя, Маркиана, Матвея Башкина, Феодосия Косого и проч. В середине XVII в., в трудное время раскола в Русской Православной церкви уже сотни тысяч ее бывших адептов отрекались от "господствующей веры", поддерживаемой "антихристским", по их убеждению, режимом и разбегались по дремучим лесам, где в тайных скитах самозабвенно внимали писаниям пророка Аввакума и исто

исполняли обряды "старой веры". По мнению автора, встречавшегося с многими "староверами" различных "толков" и "согласий", религиозные ренегаты - "раскольники" (так их, кстати, официально именовали дореволюционные власти. - П.Л.) образовали со временем в стране очень многочисленный русский субэтнос, отличавшийся от непосредственно русского православного этноса множеством весьма и весьма специфических черт. Старообрядчество, хотя и явилось апогеем религиозного ренегатства в православной России, но отнюдь не стало его финальным аккордом. "Отпадение" православных от "господствующей веры" в различные секты (духоборов, молокан, хлыстов, "шалопутов", субботников, штундистов, баптистов, иеговистов и др.) продолжалось беспрерывно вплоть до падения российского царизма. Безусловно, процесс православного вероотступничества в дореволюционной России имел свои экономические, политические, социальные и т.п. причины, однако автор полагает излишним подвергать их анализу в данной статье.

Следует отметить, что российский царизм относился весьма неблагосклонно к ренегатам от православия - "раскольникам" и сектантам, но вынужден был мириться с их существованием. Во-первых, власти избегали применения насильственных мер подавления последних, памятуя свои прошлые ошибки в борьбе с "расколом", когда "староверы" не раз прибегали к коллективному самосожжению в знак протеста против жестоких гонений со стороны царистского режима. Во-вторых, последний имел политические выгоды, отселяя "ренегатов" в отдаленные места Российской империи, которые были малопривлекательными для православных переселенцев, но, однако, требовали русского присутствия в противостоянии с аборигенным населением. Так, например, духоборы и молокане оказались в малярийных районах Кавказа, в окружении озлобленных горских мусульманских народов региона, бороться с которыми они просто вынуждены были царизму помогать во избежание своего уничтожения чеченцами и им подобными.

Совершенно естественно, что царистское законодательство твердо стояло на защите интересов "господствующей веры". "Уложение о наказаниях" содержало специальный раздел - "О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений", состоявший из пяти глав и 65 статей. Представляется, однако, любопытным, что "Уложение" подходило дифференцированно к наказанию лиц, склонявших православных к вероотступничеству. Так, согласно статье 187 "Уложения", соращение православного в иное, но тоже христианское исповедание (например, католическое - П.Л.) наказывалось ссылкой в Сибирь, тогда как, в соответствии со статьей 184-й того же "Уложения", такое же соращение в нехристианское ("иноверное") исповедание наказывалось каторжными работами на срок от 8 до 10 лет, а с примене-

нием насилия при "соращении" - до 15 лет. Лишь только после царского манифеста "Об укреплении начал веротерпимости" от 17 апреля 1905 г. и указа от 14 марта 1906г. об изъятии "карательных" статей 176-195 из "Уложения о наказаниях" положение несколько изменилось. Православным при определенных условиях было разрешено переходить в другие, но только разрешенные законом христианские исповедания. Переход же в "иноверие", в частности в ислам, по-прежнему был категорически запрещен со всеми вытекавшими из этого последствиями. Безусловно, с точки зрения принципов свободы совести как таковой, такую религиозную политику царизма вряд ли можно считать справедливой. Однако с точки зрения государственно-политических интересов российского самодержавия, ее можно признать оправданной. В условиях общего снижения уровня православной религиозности, массового "отпадения" клеветов "господствующей веры" в "раскол" и сектанство от царского правительства требовалось принятие жестких религиозно-политических законодательных актов. В правительстве, однако, понимали, что переход православных в конфессионально родственные (христианские) религиозные сообщества хотя и нежелателен, но все же, в принципе, не подрывает устои российской государственности и цивилизации, которые были именно христианскими в своей сути. Совсем по-иному расценивалось "отпадение" православных в "иноверие", особенно в лоно ислама - извечного и непримиримого противника христианской веры и цивилизации. Тот, кто сегодня наивно полагает, что ислам может когда-либо по-настоящему примириться с религией Христа, глубоко заблуждается - этого не произойдет никогда, в какие дружественные тоги мусульманство не рядилось бы. Это очень хорошо понимали в дореволюционном российском правительстве и потому строго пресекали любые прозелитические устремления исламского духовенства по отношению к христианам, в первую очередь, православным. А то, что они были - факт столь же несомненный, как и тот, что мусульманство никогда не откажется от Корана и пророка Мухаммеда. Однако в самой России пресечение переходов русских в "магометанство" удавалось не только благодаря строгости государственного религиозного законодательства, запрещавшего всем конфессиям, кроме православной, заниматься миссионерской деятельностью. Большую роль играло то обстоятельство, что компактно проживавшие мусульмане (в Поволжье, Крыму, на Урале и в др.) находились в окружении христианского населения (православных русских, греков, грузин, немцев-лютеран и проч.) и в таких условиях любой личный акт "басурманизации" - перехода христианина в ислам расценивался последним как предательский и вероломный со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

Совсем иное положение сложилось во взаимоотношениях христианства с исламом после присоединения Средней Азии (Туркестана) к России. Здесь немногочисленное православное и прочее христианское население практически растворилось в многомиллионной массе приверженцев религии Пророка, поскольку даже в лучшие времена оно составляло не более 5-7% от последних. Фактор подавляющего превосходства мусульман над христианами в Туркестане был, конечно, главным, но не единственным опасным. Значительную роль играло то обстоятельство, что, несмотря на правительственный запрет свободного переселения в Туркестанский край, со временем здесь оказались тысячи мигрантов - "самовольцев" из "внутренних" губерний России, Оренбуржья, Урала, Сибири и др. Уровень христианской религиозности отчаявшихся людей, не от хорошей жизни оставивших родные места, был весьма невысоким. Положение усугублялось тем, что в Туркестане большинство русских переселенцев надолго оставалось без должного религиозного призрения - катастрофически не хватало богослужебных учреждений и священнослужителей, о чем автор достаточно подробно писал в одной из своих монографий (1). Таким образом эти и другие более частные факторы создавали питательную среду для своеобразных процессов "туземизации" и "омусульманивания" христианского населения Туркестана под влиянием многомиллионного исламского окружения. Автор сознательно разделяет эти процессы, поскольку они не были однозначны в своей сути. "Туземизация" переселенцев была естественным результатом их сосуществования с коренным мусульманским населением - христиане-мигранты усваивали многие полезные умения и навыки "туземцев" в хозяйственной жизни, ирригации, ветеринарии, архитектуре, народной медицине и т.п., не порывая при этом со своей религией. Однако уже в самой "туземизации" содержались некоторые элементы разложения религиозного сознания христиан. Как это ни парадоксально, но один из них был связан с... поливным земледелием в Средней Азии. Туркестанский православный священник Г. Богословский писал в связи с этим: "Поопустился ты, бедный христианин... Много лет не ходил в храм Божий, не молился Богу, прося его о ниспослании благорастворения воздуха, дождей благовременных, видел, наоборот, что урожай, главным образом, зависит от своевременного полива, то есть от него самого, и вот крестьянин говорит: "Здесь и без бога жить можно". (2) Но значительно большая опасность для разложения христианского религиозного сознания таилась в процессе "омусульманивания" (по мнению автора, термин "мусульманизация" здесь неуместен, поскольку таковая предполагает организованную и целенаправленную деятельность по приобщению христиан к исламу), то есть в усвоении христианами переселенцами ряда норм мусульманского конфессионального бы-

та. Так, среди последних довольно широкое и быстрое распространение получил обычай уплаты калыма (махра - П.Л.). Явление обрело такие размеры, что в 1887 г. авторитетная российская газета "Восточное обозрение" отозвалась на него даже специальной статьей "Калым у русских в Средней Азии". В статье подробно анализировались причины "махрового" явления и указывались средние цены калыма у русских: 100-150 руб. (Суммы весьма серьезные по тем временам - П.Л.). (3)

Несмотря на все попытки туркестанских властей и христианского духовенства вытравить "калымный дух" из сознания русских в Средней Азии, "махровый" обычай продолжал процветать. Со временем стали нередкими случаи выдачи русскими своих дочерей замуж за мусульман с уплатой последними калыма. На все возрастающую опасность такой практики среди русских христиан в Средней Азии указывал в 1910 г. туркестанский православный епископ Дмитрий в письме генерал-губернатору А.В. Самсонову. Среди многих примеров он приводил поступок семиреченского казака Сергея Светличного, который продал мусульманам за солидный калым свою 12-летнюю дочь и договорился о выдаче замуж за киргиза другой 11-летней дочери, но уже за больший махр. (4) О том же писал в это время начальник Пржевальского уезда полковник В. Иванов военному губернатору Семиреченской области, генерал-майору М. Фольбауму. Сообщая последнему о намерении русского крестьянина Василия Пияшева продать своих дочерей за "мзду" уйгурам, уездный начальник заключал: "Главное то, что просватав своих дочерей за мусульман, он получит за них калым и тогда не будет иметь нужды в деньгах, которую он испытывает в данное время". (5)

Другим тревожащим признаком "омусульманивания" русских в Туркестане была отдаленность их т.н. "бесприходных" селений от центров христианской религиозной жизни. Краевой официоз - газета "Туркестанские ведомости" писала, что во многих местах Средней Азии русские люди, лишенные "пастырского наставления", постепенно переходят в общении на "туземные" наречия, предают забвению свою веру - не совершают крещения детей, не венчаются, не соблюдают не только постов, но даже простых христианских обрядов, а из праздников помнят только Рождество и Пасху. (6) При этом они отдавали своих детей на обучение в местные мусульманские мектебы, лечились у мулл, прося почитать над ними Коран и дать "целебную" бумажку с цитатами из него, чтобы затем носить ее на груди. За все эти услуги "одичавшие" христиане-переселенцы охотно платили "туземным" табибам (знахарям - П.Л.) до 80 коп., что по тем временам составляло цену полугодовалого барана. Несмотря на все свои "успехи" процесс "омусульманивания" также, как правило, не приводил к окончательному разрыву русских "населенников" Средней Азии с христианством. Хотя они во многом и

формально числились приверженцами такового, считать их религиозными ренегатами по существу нет достаточных оснований. Зато есть немало последних, свидетельствующих о том, что и "туземизация", и "омусульманивание" в Русском Туркестане объективно создавали благоприятные условия для прямого религиозного ренегатства христиан - отречения их от родной веры и открытого перехода в ислам.

Несколько отвлекаясь, автор считает необходимым пояснить, что переход христиан в ислам в Средней Азии, явившийся феноменом в религиозно-политической жизни России конца XIX-начала XX вв., не был таковым во всемирной истории. Власти Османской империи с помощью "прельстительных" мер (наделения земель, освобождения от налогов, назначения на административные должности и т.п.) и мер грубых, насильственных вовлекли в лоно религии Пророка сотни тысяч бывших христиан - болгар, боснийцев, албанцев и др. Новообращенные достигали иногда весьма высокого положения. Мало кто знает, что при турецких султанах Сулеймане Кануни и Селиме II, правившими "Блистательной Портой" в XVI в., из десяти великих визирей ("премьер-министров" - П.Л.) восемь были в свое время христианами. Те, кто полагает, что при переходе в ислам обряд обрезания обязателен, ошибаются. Автор берет на себя смелость утверждать, что ни в Коране, ни в шариате нет прямых указаний на сей счет. Просто, "благоверные" Османы подвергали подвластных им "корифеев" обрезанию с тем, чтобы лишний раз унижить христианскую религию, что турки всегда делали с большим удовольствием (достаточно вспомнить устроенную ими в 1915г. "знаменитую" резню армян - П.Л.). Арсений Грек, исправлявший в Москве в XVII в. старопечатные богослужебные книги, во время своих скитаний принял ислам, но потом снова вернулся в религию Христа. Поэтому выдающийся турецкий политик XVI в. Синан-паша был прав, когда рассказывал английскому послу, что для обращения в ислам желающему достаточно поднять указательный палец правой руки и произнести формулу исповедания мусульманской веры. Таким образом, нет оснований преувеличивать физические и нравственные "муки" тех религиозных ренегатов-христиан, кто добровольно по тем или иным соображениям открыто переходил в ислам. Это обстоятельство следует иметь в виду и при знакомстве со случаями религиозного ренегатства христиан в таком регионе традиционного распространения мусульманской религии, каким на протяжении тысячелетия была Средняя Азия.

Анализ достаточно многочисленных случаев перехода христиан в ислам в Туркестане позволяет подразделить их на ряд категорий, имеющих свои специфические особенности. Примерно две трети таких переходов приходилось на долю женщин. В советский период о переходах христиан, в т.ч. и женщин, в ислам в Средней Азии, по известным

причинам, писали мало. Но даже те, кто упоминал о женских переходах в мусульманство, интерпретировали их с большим идеологическим "перенапрягом". Так, киргистанский историк Д.Айтмамбетов усматривал в переходах женщин-христианок в ислам не только торжество чувства любви разноплеменных особей над этническими и религиозными предрассудками, но и зачатки классового союза (!) трудящихся России и Средней Азии в борьбе против эксплуататоров, царизма и колониализма.(7) Однако изучение документов показывает, что все было более прозаичным. Переходы женщин-христианок в ислам по причине глубокого, истинного чувства к мусульманским возлюбленным носили единичный характер и заканчивались, как правило, печально. Анастасия Калугина из Пржевальского уезда, вышедшая, по свидетельству документов, "из-за увлечения одним киргизом" замуж за мусульманина и, естественно, принявшая ислам в связи с этим, недолго прожила с ним из-за издевательского отношения к себе сородичей мужа и, в конце концов, сбежала к родителям, полностью исчерпав чувственное "увлечение". (8) Неудачно сложилась судьба 17-летней Клавдии Черемновой, воспылавшей страстью к 27-летнему вдовцу-казаху Батпакбаю Азаматову и принявшей мусульманство по случаю выхода за него замуж (с "благословения" муллы, разумеется). Поскольку дело происходило в 1904 г., когда еще действовала суровая статья 184-я "Уложения о наказаниях", власти, по жалобе родителей Черемновой, обвинили новоиспеченного мужа в "совращении" православной к переходу в магометанство и пригрозили многолетними каторжными работами за таковое. Казах Батпакбай Азаматов проявил трусость и отказался от молодой супруги. Несмотря на заявление Клавдии: "Я никогда с ним не расстанусь и от него не уйду" (9), Батпакбай с сородичами-джигитами отвез ее к родителям, пообещав последним никогда более не напоминать о себе ни им, ни их дочери. Иногда браки "по любви" христианок (принявших из-за замужества ислам) с мусульманами вообще имели плачевные результаты. Газета "Туркестанские епархиальные ведомости" поведала историю одной русской девушки - жены исламита, которая, по старой памяти, на Пасху решила посетить церковь, понаблюдать за торжественным богослужением и принести домой крашенных яиц. Невинная просьба супруги вызвала такую ярость мужа-магометанина, что даже полиции стоило немалого труда отбить у фанатика изувеченную им до полусмерти жену и поместить ее на излечение в Ташкентский Свято-Николаевский женский монастырь, откуда она уже больше не вернулась в дом мусульманина-изувера, субъекта ее бывшего любовного "увлечения". (10)

Документы свидетельствуют, что большинство переходов женщин-христианок в ислам с последующим их бракосочетанием с мусуль-

манами были лишены по-настоящему чувственной подоплеки. Нередко они были следствием плохого родительского воспитания и сопутствующей ему нравственной распушенности. Примером тому может служить "блудная" дочь семиреченского казака Варвара Никифорова. Оставшись рано без матери, Варвара одновременно осталась без постоянного воспитательного воздействия, заботы и контроля со стороны вдовствующего отца. Рослая, склонная к полноте сирота-казачка рано проявила интерес к интимной жизни, отдавая предпочтение "знакомствам" с казаками из соседних айлов, причем, как правило, вдвое, а то и втрое старше ее. Геронтофилические наклонности Варвары завершились тем, что в 1896 г. она сбежала к "возлюбленному" казаку, разменявшему шестой десяток лет, с которым и вступила в "законный" брак, т.е. с принятием мусульманской веры. Казак Никифоров, огорченный позорящим его поступком дочери, обратился за помощью к начальнику Копальского уезда, однако последний, подкупленный казахским "Мазепой", не желавшим расставаться с юной прелестницей-казачкой, уклонился от принятия мер по возвращению Варвары, сославшись на то, что она во всем действовала по своей воле. Безутепному отцу пришлось обращаться за содействием к самому военному губернатору Семиреченской области, исполнявшему одновременно и обязанности Наказного атамана Семиреченского казачьего войска. По приказу последнего отряд казаков без особого труда отобрал Варвару у ее мужа-мусульманина, который сразу же забыл о всяком сопротивлении, как только услышал о грозящих ему, согласно "Уложению о наказаниях", каторжных работах в Сибири за соращение христианки к переходу в ислам. Возвращенная казаку Никифорову дочь была срочно, как "порченная", выдана последним замуж за какого-то захудалого "войсковика", от которого, судя по документам, Варвара в последующем не раз сбежала к своим "друзьям" из соседних казахских стойбищ для "освежения" своей могучей чувственности. (11) Дурное родительское воспитание и влияние сказывались и в ряде других случаев перехода девушек-христианок в мусульманство. Так, в сентябре 1910 г. настоятель Токмакской церкви о. Дмитрий Рождественский сообщал Туркестанскому православному епископу Дмитрию, что его прихожанка 16-летняя Федосья Михайлова приняла ислам и вышла замуж за дунганина Хияра Джиянгуева. Он просил архиерея содействовать проведению официального дознания на сей счет с тем, чтобы предотвратить подобные ренегатские поползновения в дальнейшем. "Владыка" обратился с соответствующей просьбой к семиреченскому губернатору М.Фольбауму, по приказанию которого и было проведено расследование факта вероотступничества Федосьи. Оно выявило, что ее мать вела беспутный образ жизни, пьянствовала, сожительствовала с кем угодно,

приобщая и дочь к сомнительным "радостям" жизни. В результате, юная, но "зрелая" Федосья очень "заинтересовала" торговца-дунганина, уже состоявшего в браке со своей соплеменницей и имевшего от нее 3-х детей. Поэтому Хияр вначале ввел свою "возлюбленную" в дом в качестве служанки, а затем, когда она "понесла", вступил с ней в брак по мусульманскому обряду, сам факт которого обращал православную Федосью в магометанство. Поскольку после Закона от 17 апреля 1905 г. "Уголовное уложение" уже не наказывало за соращение христиан в мусульманство, то власти по результатам расследования вынуждены были оставить дело Хияра Джиянгуева и Федосьи Михайловой "без преследования". (12) Жертвами беспутного образа жизни родителей стали и сестры Свободины - Александра 16 лет и 15-летняя Мария. В 1912 г. начальник г.Ташкента полковник А.И.Завитневич отдал распоряжение полицмейстеру "туземной части" города разыскать сестер Свободины, которые по имевшимся у него сведениям приняли ислам и состояли в замужестве с "сартами" (узбеками - П.Л.). "Городничий" требовал "изъять" ренегаток и препроводить их в Ташкентский Свято-Николаевский монастырь для "увещательных" бесед с ними на предмет возвращения "заблудших овец" в лоно родной религии. Полицейстер быстро исполнил приказ, так как знал "туземную часть" Ташкента, как свои пять пальцев, а о факте "преступного" замужества сестер Свободины знал давно. В монастыре "увещательные" беседы с Александрой и Марией вела сама игуменья Лидия. Выяснилось, что их отец - Никифор Свободин служил на Средне-Азиатской железной дороге, откуда был уволен за пьянство, после чего жил попрошайничеством на базарах. Мать, родившая Никифору пятерых дочерей и четырех сыновей, не прекрала мужа в беспутном образе жизни, поддерживая обширные "связи" с мусульманами. Ее любвеобилие дошло до того, что однажды она бросила семью и сбежала с купцом-магометанином в г.Скобелев (ныне г.Фергана - П.Л.), где приняла ислам и вышла за него замуж в качестве третьей жены, навсегда прервав всякие контакты с мужем и детьми. Пьяница Никифор не стал горевать по поводу предательства супруги, но обратил его к своей выгоде. Он стал приучать детей к попрошайничеству и "прочему дурному поведению". (13) Когда дочери подросли, Никифор поочередно продал их в наложницы мусульманам. А одного из четырех сыновей продал богатому персу в качестве так называемого "бачи" (любовника - П.Л.). Монахини с большим сочувствием отнеслись к судьбе несчастных (как им казалось) сестер - проводили долгие нравственные собеседования с ними, приучали к рукоделию, старались получше накормить их. Однако это не имело успеха. "Магометанки" уже настолько вкусили от "прелестей" мусульманской жизни в Туркестане, что вернуть их на путь "истинной веры" оказалось

делом безнадежным. В одну из ночей сестры Свободины сбежали в "привычную" для них среду обитания, покинув, однако, Ташкент.

Нездоровый климат в христианских семьях, пьянство, рукоприкладство и т.п. мужей также способствовали переходу в ислам женщин-христианок, но уже более зрелого, нежели в вышеприведенных случаях, возраста. В 1911 г. участковый пристав г.Отрара, по приказу военного губернатора Семиреченской области, проводил дознание по факту перехода в мусульманство 28-летней Ксении Яковенковой с двумя детьми 5 и 2-х лет. Ксения свидетельствовала, что она совершила акт вероотступничества, поскольку вышла замуж за магометанина-казаха. Яковенкова, ссылаясь на свидетелей, показывала, что ее прежний муж, православный, безудержно пьянствовал и постоянно жестоко избивал ее. Ксения не раз вынуждена была бежать от него, спасаясь от побоев и увечий, пока, наконец, не приняла "спасительное" решение - укрыться от мужних надругательств в среде кочевников-казахов, выйдя замуж за какого-нибудь "старца". (14) Жительница г.Катта-кургона Самаркандской области Ольга Медведева, оставшись в детстве сиротой, была выдана "сердобольными" родственниками за мужчину вдвое старше ее, известного к тому же болезненным пристрастием к "зеленому змию". Долгое время Ольга терпеливо сносила издевательства пьяного супруга и, наверное, продолжала бы их сносить, если бы муж-забуддыга не исчез вдруг бесследно. Чтобы содержать себя и малолетнего сына, Медведева вынуждена была "подрабатывать" в "сартовском" публичном доме, где и встретила свою новую "судьбу" - пожилого узбека, который забрал ее из "вертепа" к себе домой и вскоре женился на Ольге по исламскому обычаю. Поскольку по существовавшему тогда порядку с каждым "отпавшим" из христианства ренегатом требовалось проведение 40-дневного "увещания", то настоятель Катта-курганской военной церкви протоиерей о.Тарасий (Иваницкий) провел с Ольгой Медведевой серию "душеспасительных" бесед, склоняя ее к возвращению в лоно "господствующей веры". Но ренегатка отказалась сделать это, сославшись на то, что муж-мусульманин хорошо относится и к ней самой, и к ее ребенку, а новая вера ничуть не хуже старой, ибо не учит ничему дурному. (15) Такого же рода результаты имело "увещание" жительницы Ташкентского уезда Татьяны Троицкой, которая намаявшись с мужем-пьяницей, вышла замуж за татарина Хабибуллина, приняв магометанство. "Меня привлекает более ихняя религия, нежели наша", - писала она в 1914 г. в "объяснительной" на имя военного губернатора Сырдарьинской области, генерал-лейтенанта А.Е.Галкина. (16)

Значительную роль в переходах женщин христианок в ислам в Средней Азии играл "материальный" фактор. Многие девушки из бедных русских, украинских, польских и др. семей надеялись, что с выхо-

дом замуж за богатых мусульман они навсегда избавятся от преследовавшей их с детства нищеты. И не напрасно. Жительница г.Чимкента Ксения Швечицина выросла в нищенской среде, при больной матери и распутном отце. Поскольку никто из православных не хотел брать замуж нищую "бесприданницу", то практичная Ксения вступила в сожительство с пожилым, но богатым татаринном Хабибуллой Бекметовым. Находясь на весьма приличном содержании последнего, Швечицина прижила с татаринном двух сыновей. Это обстоятельство побудило Хабибулу скрепить свои отношения с Ксенией, согласно мусульманскому "закону". Но "содержанка" решила вначале испросить разрешение на переход в ислам и замужество у русского "закона", не зная, видимо, что таковой запрещает акции подобного рода. В январе 1912 г. Швечицина подала прошение на имя туркестанского генерал-губернатора А.В.Самсонова, в котором ходатайствовала о разрешении принятия магометанской веры с целью выхода замуж за татарина, чтобы тем самым "навсегда прикрыть грехи молодости и не влачить жалкого существования брошенной девки с детьми". (17) Самсонов направил это прошение на рассмотрение сырдарьинскому губернатору Галкину. Последний в специальном рапорте на имя генерал-губернатора указывал, что связь Швечициной с Бекметовым узаконена самой жизнью и потому пусть они сами решают свои семейные проблемы без какого-либо вмешательства властей. Возможно, так оно бы и случилось, если бы не подал голос известный в Русском Туркестане деятель - "член-представитель" Главной Палаты Русского Народного союза во имя св.Михаила Архангела Владимир Котов. В письме новому епископу Туркестанскому и Ташкентскому Иннокентию он упрекал военную администрацию Туркестанского края в равнодушном отношении к проблеме религиозного ренегатства христиан, способствующем активизации исламского прозелитизма в регионе. Приводя в пример случай с Ксенией Швечициной, В.Котов заключал: "Сердце кровью обливается, глядя на это беззаконие, грустно делается православным далекой окраины России смотреть, что вера православная попирается ногами отступницы". (18) Епископ отдал распоряжение Туркестанской духовной консистории заняться "делом Швечициной". По ее поручению, благочинный церковью Чимкентского округа о.Александр (Юновидов) не 40 дней, а несколько месяцев проводил "увещательные" беседы со Швечициной, уже вышедшей замуж за Бекметова и принявшей ислам. Ренегатка Ксения являлась на беседы добросовестно и непременно с детьми. Протоиерея она выслушивала внимательно, но предложения вернуться в "родительскую" веру отвергала решительно. В конце концов, протоиерей Александр Юновидов вынужден был сдаться и, по его предложению, епископ отдал распоряжение навсегда вычеркнуть Ксению Швечицину из списка православ-

ных Туркестанской епархии. Следует отметить, что подобных дел, связанных с переходом женщин-христианок в ислам по материальным соображениям, в архивохранилищах среднеазиатских республик хранится немало. Но, пожалуй, самым любопытным представляется дело семиреченской казачки из станицы Урджарской Евдокия Старчиковой. Оно состоит из всего лишь одной телеграммы на имя военного губернатора Семиреченской области М.А.Фольбаума, в которой Евдокия писала (в 1913 г. -П.Л.): "Имея от роду 20 лет, по бедности добровольно желаю за татарина замуж". (19) Далее она просила разрешить ей в связи с этим принять мусульманскую веру и защитить от возможных притеснений со стороны местных властей и православных "одностаничников". Дело не содержит ответа Фольбаума, поскольку его и быть не могло - семиреченский губернатор знал, что закон категорически запрещает христианам переходить в ислам (за исключением т.н. "ногайбаков", т.е. лиц, чьи предки когда-то были мусульманами и приняли христианство по настойчивой "просьбе" царских властей). Однако ни один вышеприведенный пример не имел никакого отношения к таковым.

Мотивация переходов в ислам мужчин-христиан в Туркестане была во многом схожа с таковой же в случаях фемиального религиозного ренегатства - чувственное "увлечение", беспутный образ жизни, корыстные материальные соображения и т.п. Разница усматривается лишь в казуальном соотношении переходов. Так, "чувственное" вероотступничество у мужчин-христиан было более редким, нежели у женщин. Автору известно лишь несколько таких примеров, два из которых он считает необходимым здесь привести. В 1880-х гг. сын богатого оренбургского купца Николай Лебедев по заданию отца направился с товарами в Семиречье, где вскоре исчез. Взволнованный отец обратился с просьбой о розыске сына к военному губернатору Семиреченской области. Последний сочувственно отнесся к горю именитого купца и приказал во что бы то ни стало установить судьбу, постигшую Николая Лебедева. Семиреченская полиция проявила похвальное рвение и вскоре обнаружила пропавшего купеческого сынка в одном из казахских айлов. Участковый пристав доносил в Семиреченское областное правление, что Николай Лебедев "обрел себе голову, носит киргизское платье и исполняет магометанский закон", а товары роздал своим новым единоверцам. Пристав указывал в рапорте, что вероотступник совершил безрассудный поступок "из-за вспыхнувшей в нем любовной страсти к какой-то киргизке". В последующем "магометанин" Николай Лебедев, несмотря на сопротивление им оказанное, был силой доставлен в Оренбург и, видимо, не без соответствующего насилия обвенчан с дочерью атамана одной из станиц Оренбургского казачьего войска. Что касается церковных властей, то они наложили на бывшего мусульманина строгую епитимью.

Без последней обошелся Иван Фимушин, сын богатого крестьянина из с.Покровского Пржевальского уезда Семиреченской области. В 1910 г. Фимушин, женатый, имевший уже 3-х детей, неожиданно бросил семью и ушел к киргизам Тонской волости, прервав все контакты с отцом, женой и детьми. Семиреченский губернатор, узнавший об этом факте от туркестанского епископа Дмитрия, возмущенного переходом Фимушина в мусульманство, отдал распоряжение начальнику Пржевальского уезда выяснить все обстоятельства, побудившие православного "насилника" к предательству родной веры, и принудить его к возвращению в семью. В начале 1911г. уездный начальник, полковник В.Иванов, писал в рапорте военному губернатору Семиреченской области М.Фольбауму, что причиной разрыва Фимушина с семьей явилось "увлечение одной киргизкой" и что, несмотря на проведенные с ним "разъездным" православным священником о.Иоанном (Роцом) положенные "увещательные" беседы, вероотступник наотрез отказался возвращаться как в родную веру, так и в родную семью. (20)

Одной из причин религиозного ренегатства мужчин-христиан было их длительное проживание в мусульманской среде, вне постоянного контакта с единоверцами. Как правило, они обзаводились женами-магометанками и, соответственно, сами принимали ислам. Примечательно, что в основном такие религиозные ренегаты старались "раствориться" среди кочующих мусульман-номадов с тем, чтобы властям труднее было их обнаружить. И, надо признать, это им удавалось, хотя и не всегда. Так, осенью 1898 г. в ходе расследования обстоятельств, приведших к Андижанскому восстанию (в мае того же года - П.Л.), власти случайно обнаружили среди киргизов Кенсоль-Карайгырской волости, Андижанского уезда, Ферганской области русского человека-Мусульманкула. Выяснилось, что под этим именем скрывался уроженец с.Малый Токмак, Пишпекского уезда, Семиреченской области Николай Якушев. Последний был арестован и посажен в андижанскую тюрьму. На допросах Якушев показал, что он длительное время вел с киргизами торговлю, а потом решил поселиться среди них навсегда. К моменту задержания он прожил с киргизами около 7 лет, имел жену-киргизку и детей. Опасаясь наказания за вероотступничество, Якушев утверждал, что киргизы насильно заставили его принять магометанскую веру. Допрошенные кочевники категорически отрицали это утверждение ренегата от православия, ссылаясь на то, что Якушев мог в таком случае в любое время сбежать к своим единоверцам. Поскольку дела о переходе христиан в ислам находились на личном контроле генерал-губернаторов, то Главный Начальник Туркестанского края С.М.Духовской решил примерно наказать вероотступника. Несмотря на то, что, согласно статье 185-й "Уголовного уложения", лица,

перешедшие из христианства в "иноверие", для возвращения в свою веру подлежали лишь "увещанию" духовным начальством, Якушев, по распоряжению генерал-губернатора, был приговорен судом к 6 годам тюремного заключения с последующей ссылкой за пределы края. Ему инкриминировали то, что, находясь в киргизской среде, он вовремя не донес властям о готовящемся мусульманском "возмущении" в Андижане. (21) Абсурдность этого обвинения была уже тогда очевидна, так как материалы комиссии под председательством военного губернатора Сырдарьинской области, генерал-лейтенанта Н.И.Королькова, расследовавшей причины Андижанского восстания, показывают, что о подготовке последнего знали даже не все главы киргизских родов, не говоря уже о таких людях, как Николай Якушев. (22) В 1902 г., по доносу, туркестанской полицией был арестован некий Яков Милешкин. В доносе отмечалось, что он давно принял мусульманство, обрил голову, носит "сартовский" халат, регулярно совершает "намаз" (5-ти кратная ежедневная молитва - П.Л.) и посещает мечеть. Как явствует из вышеизложенного, в это время еще действовали "суровые" статьи (176-195) "Уголовного уложения" и потому туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов приказал провести быстрое, но тщательное расследование по делу религиозного ренегата из Ферганской области. Как выяснилось, Милешкин вначале служил писарем в уездном правлении, откуда был изгнан за злоупотребление спиртным. После этого Яков надолго "растворился" в мусульманской среде, где и принял ислам, но без жентитьбы. В мастерски составленной опытным стрекулистом "объяснительной" на имя генерал-губернатора, Милешкин сообщал, что с детства жил в "сартовской" махалле (городской квартал - П.Л.), прекрасно изучил все "туземные" наречия и жизненные традиции магометан. Еще в бытность свою писарем уездного правления "подрабатывал", сочиняя для мусульман, разного рода прошения в различные властные инстанции. После увольнения с работы полностью стал заниматься этим как за плату, которую употреблял на выпивку, так и за "кормежку". Милешкин в весьма витиеватых выражениях каялся во всех смертных грехах, переход свой в ислам называл "преступной непростительной подлостью" и обещал исправиться, как только получит прощение от высшего должностного лица в крае. Иванов, считавшийся среди специалистов "самым православнейшим из православнейших" туркестанских генерал-губернаторов, поверил Милешкину, приказал освободить его из-под стражи, но поставить под постоянный надзор полиции. После освобождения Милешкин, действительно, тут же демонстративно вернулся в "господствующую веру", исполнив наложенную на него "благодичным" епитимью, но пить не бросил, как и не бросил сочинять для "туземцев" нужные им прошения за плату. (23) В случае с Милешкиным религиоз-

ное ренегатство происходило как от многолетнего общежития с мусульманами, так и от беспутного образа жизни. В этом отношении представляется иным переход в магометанство семиреченского крестьянина Кузьмы Грошева. Он тоже долгое время жил с женой среди киргизов, на хуторе в урочище Карасу-баш, Николаевской волости, Пишпекского уезда, прекрасно знал язык и обычаи кочевников. Богатый "фермер" Грошев вел очень выгодные торговые и иные дела с киргизами. Церковь он не посещал даже в "великие" праздники, ссылаясь на отдаленность своего хутора, но не мешал жене при желании выезжать для участия в храмовых богослужениях. Документы свидетельствуют, что Кузьма Грошев не совершил выгодный для себя переход в ислам ранее только из-за нежелания обидеть религиозные чувства православной супруги. Однако после смерти последней он не замедлил перейти в магометанство, получив новое имя - Шарафутдин Абдулин. После этого он стал совсем "своим" среди мусульман, безвозмездно пользовался их землями, расширяя посевы, выпасы, устраивая сады, пасеки и т.п. Когда светские и церковные власти узнали о его "грехопадении", Кузьма-Шарафутдин легко от них откупился и категорически отказался возвращаться в родную веру, заявив, что "давно уже забыл все обряды православия и почти не говорит по-русски". (24)

Документы свидетельствуют, что одной из причин перехода мужчин-христиан в ислам в Средней Азии было стремление избавиться от исполнения обязательной воинской повинности. Этим особенно отличались христиане-сектанты и старообрядцы тех "толков", вероучение которых запрещало пользоваться оружием, а значит, и служить в армии. В таких случаях христиане - "раскольники" считали переход в ислам меньшим грехом. Механизм религиозного ренегатства был все тот же: призывник "растворялся" среди кочующих номадов, принимал религию Пророка, женился и менял свой образ жизни таким образом, чтобы власти не смогли обнаружить его под новым именем. Это тоже часто удавалось. Но не всегда. В конце 1880-х гг. из с.Большой Токмак, Пишпекского уезда, Семиреченской области бесследно исчез некий Сидор Вошкин. Родители последнего сильно горевали по этому поводу, но потом, как это часто бывает, успокоились и, казалось, вообще забыли о пропавшем сыне. В 1899 г. канцелярия туркестанского генерал-губернатора получила донос, в котором неизвестный "благодетель" сообщал, что среди киргизов Сусамырской долины скрывается избежавший воинского призыва уроженец с.Большой Токмак Сидор Вошкин, носящий теперь имя Ахмеджан Данаев, имеющий жену-киргизку и 4-х детей от нее. Автор доноса особо подчеркивал, что Вошкин изменил христианству и принял магометанскую веру, а по своему внешнему облику и поведению почти ничем не отличается от "туземцев". По распро-

ряжению туркестанского генерал-губернатора С.М.Духовского, в считанные дни Ахмеджан Данаев был схвачен в указанном месте и доставлен в Ташкент, где предстал перед очами самого дряхлеющего генерал-губернатора, лично, как отмечалось выше, разбиравшего все случаи религиозного ренегатства христиан Средней Азии. Доносчик оказался прав - в обритом наголо, почерневшем от солнца и ветров, одетом по-киргизски Ахмеджане Данаеве трудно было узнать молодого и рыжеволосого токмакчанина Сидора Вошкина. Последний однако не стал ни отрицать своего настоящего имени, ни сознательного "уклонения" от службы в армии, объяснив таковое своими сектанскими воззрениями. Генерал-губернатору понравилось открытое и честное поведение вероотступника, и это обстоятельство на 2 года снизило срок каторжных работ, к которым Сидор Вошкин был вскоре приговорен Верненским окружным судом. (25)

Относительно редко, но все же имели место случаи перехода мужчин-христиан в ислам в Туркестане по причине "соблазнительных" признаков магометанства. Так, в 1910 г. открыто перешел в мусульманскую веру 23-х летний житель с.Никольского, Ташкентского уезда, Сырдарьинской области Пантелеймон Семич. Отец вероотступника - Василий Семич, богатый владелец садов и виноградников, пожаловался властям на поведение своего неупутевого наследника. Делом Пантелеймона Семича занимался лично сам военный губернатор Сырдарьинской области, генерал-лейтенант М.Я. Романов. Выяснилось, что Пантелеймон с детства близко сошелся с друзьями-мусульманами, пристрастился к курению анаши и днями просиживал в чайханах. Сам ренегат разъяснил, что перешел в магометанство сознательно, так как оно ему нравится возможностью иметь 4-х законных жен и сколько угодно наложниц, которые своим трудом должны обеспечивать мужа и доставлять ему всевозможные жизненные "удовольствия". По просьбе отца, губернатор распорядился посадить вероотступника-сына в кутузку "на хлеб и воду", где его в течение 40 дней, согласно установленному порядку, посещал для проведения "увещательных" бесед священник местной церкви. Вскоре изголодавшийся Пантелеймон дал властям подписку о том, что он "от своего желания перейти в мусульманство решительно отказался". (26) "Соблазнительность" (но иного рода -П.Л.) лежала и в основе перехода в ислам мещанина г.Оша, Ферганской области Василия Трусова, высланного в 1906 г. из Туркестанского края не столько за вероотступничество, сколько за порочное поведение. Трусов с 14 лет долгое время работал "в прислугах", а затем приказчиком в лавке богатого кушца Мамаджана Саидказиева, который изначально уговорами поочередно с угрозами лишить работы "соблазнил" мальчика Василия одновременно к переходу в ислам и к мужеложеству, к которому многие

"торговые люди" ислама питали "слабость". (27) Документы свидетельствуют, что жертвами подобной "соблазнительной" деятельности мусульман чаще всего становились молодые люди, боявшиеся потерять работу и конфессионально неустойчивые.

Однако, как и в случаях феминальных переходов в ислам, религиозное ренегатство христиан-мужчин в большинстве своем "вдохновлялось" сугубо практическими, материальными соображениями. Уже в вышеописанном случае вероотступничества Кузьмы Грошева последние сыграли явно не последнюю роль. В других - она, по сути, была основной. 28-летний семиреченский казак Петр Власов получил от казахов обещание, что после перехода в мусульманство он получит большой надел земли, скот, инвентарь, а также деньги на уплату калыма за невесту. Когда же обещание мусульманами не было выполнено, Петр Власов демонстративно вернулся в лоно православия. Не меньшие блага магометане обещали и переселенцу из России Петру Павлову, который тоже не получив обещанного, подал прошение военному губернатору Сырдарьинской области, указывая в нем, что он "добровольно и решительно перешел из магометанства в православие" и просил выдать ему в связи с этим документы, подтверждающие его право на получение казенного земельного надела в качестве русского православного "насельника" в Туркестане. (28) В апреле 1909 г. имам Базарной мечети г.Ходжента, Самаркандской области обратил в ислам двух православных по их просьбе - Семена Давыдова и Кондрата Иванова. Обряд обращения был прост - неопиты всего лишь прочитали молитву "Калимая-шариф". Хонджентские власти, узнав об этом, естественно, провели соответствующее "дознание". Оно показало, что оба ренегата осознанно приняли магометанскую веру, пояснив, что, будучи мусульманами, они смогут во много раз проще решать деловые проблемы, возникающие у них с приверженцами религии Пророка. "Нам стыдно своего поступка и совесть нас мучает, - писали вероотступники в "объяснительной" на имя самаркандского губернатора, - но нужда заставляет нас жить среди туземцев и иметь с ними дела". (29) Но самое удивительное заключалось в том, что, несмотря на все "увещания", оба наотрез отказались вернуться в лоно православия. Поэтому, по представлению Самаркандского областного правления, туркестанский генерал-губернатор А.В.Самсонов приказал выслать несговорчивых вероотступников за пределы края, без права возвращения в них когда-либо в последующем.

Переходы отдельных лиц из христианства в ислам, безусловно, составляли основное содержание религиозного ренегатства в Русском Туркестане. Однако достаточно не редкими были и случаи вероотступничества целых семей. В 1907 г. перешел в ислам вместе с женой и детьми некий Пахандрин. Туркестанский епископ Дмитрий, узнав об

этом, попросил семиреченскую администрацию провести соответствующее расследование - исламизация целой православной семьи неприятно удивила недавно вступившего в свою должность архиерея. Дознание показало, что Пахандрин, переселившись в Туркестан из Сибири, в течение 15 лет добивался от властей причисления его к Семиреченскому казачьему войску, но неизменно получал отказ. Тогда он поселился с семьей среди казахов, принял ислам, за что получил от кочевников земельный надел и скот. Ради "спасения" нескольких православных душ, туркестанский архиерей добился от Войскового правления Семиреченского казачьего войска зачисления Пахандрина в его ряды. Однако последний отказался стать казаком, заявив, что теперь он навсегда связал свою судьбу с кочевым "туземным" сообществом и его религией. (30) В 1909 г. "отпала" в магометанство семья Ивана Маликова в количестве 5 человек в надежде получить за это материальную помощь от мусульман. По тем же соображениям, в 1909 г. принял ислам вместе с женой и двумя малолетними дочерьми переселенец Василий Панкратьев. (31) Следует подчеркнуть, что во время "стопыпинского" переселения русских крестьян в Среднюю Азию случаев религиозного ренегатства христиан - "отпадения" их в мусульманство - было отмечено особенно много. Причины этого явления хорошо понимали не только российские власти в Туркестане, но - и "наверху". В 1912 г. преемник П.А.Столыпина (убитого в Киеве в 1911 г. - П.Л.) на посту министра внутренних дел А.А.Макаров писал туркестанскому генерал-губернатору А.В.Самсонову об озабоченности правительства участвовавшими переходами русских людей в ислам, причина которых "почти одна и та же - материальный расчет, так как местные мусульмане весьма охотно оказывают поддержку переходящим в их веру, дают землю, покупают необходимый инвентарь". (32) Министр предлагал принять необходимые меры к воспрепятствованию такого рода переходам, ослабляющим влияние российской государственности и цивилизации в таком стратегически важном регионе, как Средняя Азия. Макаров был прав в такой же мере, как и официоз Св.Синода - газета "Церковные ведомости", которая еще в 1908 г. предупреждала, что "отпадение в магометанство коренных православных - явление для Туркестанского края весьма грозное. Отсутствие положительных мер в борьбе с исламом, а также и мер к ограничению от его пагубного влияния на русских православных насельников обеспечивает этому влиянию несомненный успех в будущем". (33) В том же году о нарастающей угрозе вероотступничества христиан в Средней Азии "Туркестанские епархиальные ведомости" писали: "Со времени издания Закона о веротерпимости переходы из православия в мусульманство настолько стали делом заурядным, что это

уже никого не удивляет". (34) Факт этот признавал в своем отчете в Святейший Синод туркестанский епископ Дмитрий. (35)

Нет оснований утверждать, что туркестанская военная администрация и епархиальное руководство не дали ничего для предотвращения развития вышеуказанного процесса. Однако их возможности были крайне ограничены. Так, туркестанские власти не могли оказывать неустойчивым в вере христианам материальную помощь в той мере, в какой ее предлагали им в обмен на переход в ислам мусульманские сообщества Средней Азии. Епископ Дмитрий несколько лет настойчиво требовал от Св.Синода учреждения в Туркестанской епархии полноценной "противомагометанской" миссии с солидным штатом сотрудников. Уже перед своим уходом с должности туркестанский архиерей добился-таки своего, однако явно с неожиданным для себя результатом. В 1912 г. Св.Синод принял решение "об учреждении в целях ближайшего руководства приходского духовенства в борьбе с влиянием и пропагандой ислама должности епархиального противомусульманского миссионера". (36) Таким образом, противомагометанская миссия в Туркестане учреждалась как в единственном лице, так, соответственно, и числе. Для огромных пространств края, границы которого простирались на тысячи верст от берегов Каспия до рубежей Западной Сибири, с многомиллионным, исключительно магометанским, коренным населением, иметь такую противомусульманскую миссию было просто наивно. Несмотря на то, что на должность туркестанского противомагометанского миссионера был назначен способный, образованный и многоопытный (успешно борющийся с исламом в Поволжье) священник В.Елисеев, результаты его противоборства с влиянием мусульманства в Средней Азии были более чем скромными. В 1913-1917 гг. Елисеев, действительно, работал чрезвычайно активно и даже обратил в православие несколько мусульман, однако с каждым годом число христиан, "отпавших" в ислам росло и все больше превышало количество тех "заблудших", которых миссионеру удавалось вырвать из "цепких лап" магометанства и возвратить в лоно религии Христа.

Автор не хотел бы, чтобы на основании знакомства с содержанием данной статьи у кого-то сложилось впечатление, что успехи ислама на попроще религиозного ренегатства христиан в Туркестане были воистину внушительными. Отнюдь. По подсчетам автора, основанным на изучении множества соответствующих архивных материалов (а также дореволюционной прессы), общее число ренегатов, "отпавших" в ислам в Средней Азии не превышало 0,4% от всех христиан региона. Абсолютное большинство христиан (православных, католиков, лютеран, сектантов и проч.) сохранили преданность своей вере, успешно противостояли порой "соблазнительному" влиянию многомиллионного мусуль-

манского окружения и его религии. Автор знает много примеров тому, как, проживавшие в одиночестве среди множества магометан, христиане (например, амударьинские старообрядцы -П.Л.) свято блюли религию и заповеди Христа, причем пользовались при этом исключительным уважением местного исламского населения.

Таким образом, реальной угрозы "исламизации" христианского сообщества в Русском Туркестане, конечно, не существовало. Однако коль скоро процесс религиозного ренегатства христиан действительно имел место в регионе, то задачей исторической науки является серьезное его изучение с тем, чтобы раскрыть содержание процесса, определить основные тенденции его развития, оценить реальные результаты такового. Но, главное, надо извлечь из всего изученного строго научные, неопровержимые выводы. А последние сводятся к тому, что из всех довольно многочисленных случаев перехода христиан в ислам в Туркестане, ни один не был связан с глубокой внутренней убежденностью христианина-рenegата в том, что он переходит в веру, которая, по своим религиозным ценностям является более возвышенной, нежели учение Христа, и превосходит последнее своим гуманизмом, справедливостью, милосердием и т.п.

Такого случая не было, потому что, по мнению автора, быть не могло.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX-начало XX вв. (Елец, изд. ЕГПИ, 1996. Гл.1 Христианство. Параграф 1. Православная церковь в Туркестане: п. "б"). Православное духовенство в Туркестане (с.19-27); п "в") Православные культовые учреждения (с.28-50).

2. Туркестанские ведомости. 1894, № 92, 18 декабря.

3. Восточное обозрение. 1887, № 38, 24 сентября.

4. Центральный Государственный архив Узбекистана (ЦГА Узб.), ф. Р-2287 (Савицкий А.П.), оп.1, д.100, л.28.

5. Центральный Государственный архив Казахстана (ЦГА Каз.), ф. И-44 (Семиреченское областное правление), оп.1, д.3370, л.2.

6. Туркестанские ведомости. 1894, №3, 13 января.

7.См.: Айтмамбетов Д. Культура киргизского народа во второй половине XIX и начале XX в. Фрунзе, 1967. -С.63.

8. Центральный Государственный архив Кыргызстана (ЦГА Кыр), ф. И-86 (Инспектор народных училищ 2-го района Семиреченской области), оп.1, д.27.

9.ЦГА Каз. ф. И-44, оп.1, д.3122, л.6

10. Туркестанские епархиальные ведомости, 1914, №16, 15 августа.

11. ЦГА Каз. ф.И-44, оп.1, д.6549, л.л. 1-3об, 5, 8об. и др.

12. ЦГА Каз. ф.И-44, оп.1, д.3386, л.л. 17-26об.

13. Туркестанские епархиальные ведомости, 1913, № 15, 1 августа.

14. ЦГА Каз. ф.И-44, оп.1, д.3386, л.35-42 об.

15. ЦГА Узб. ф.И-22 (Управление начальника Катта-курганского уезда, Самаркандской области), оп.1, д. 1314, л.л. 7-12 об.

16. ЦГА Узб. ф.И-17 (Сырдарьинское областное правление), оп.1, д.2135, л.61.

17. ЦГА Узб. ф.И-17, оп.1, д.2083, л.41.

18. ЦГА Узб. ф.И-17, оп.1, д.2114, л.141.

19. ЦГА Каз. ф. И-44, оп.1, д.4174, л.1.

20. ЦГА Каз. ф. И-44, оп.1, д.3444, л.л. 3-3об.

21. ЦГА Узб. ф. И-1 (Канцелярия туркестанского генерал-губернатора), оп.4, д.950, л.л. 3-10 об.

22. Центральный Государственный исторический архив Российской Федерации (ЦГИА РФ), ф. И-565 (Департамент Государственного казначейства), оп.1, д. 3193 - "По расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской области в мае 1898 года".

23. ЦГА Узб. ф. И-19 (Ферганское областное правление), оп.1, д.7682, л.л. 16-18 об.

24. ЦГА Каз. ф.И-44, оп.1, д. 3761, л.14.

25. ЦГА Узб. ф.И-1, оп.4, д.950, л.л. 12-17 об.

26. ЦГА Узб. ф.И-17, оп.1, д.2083, л.121.

27. ЦГА Узб. ф.И-19, оп.1, д.16416, л.л. 4-4 об.

28. ЦГА Узб. ф.И-17, оп.1, д. 2114, л.54.

29. ЦГА Узб. ф.И-18 (Самаркандское областное правление), оп.1, д.2812, л.20.

30. ЦГА Каз. ф.И-44, оп.1, д.2547, л.л. 16, 37 об, 50. См. Также о деое Пахандрина в:"Туркестанские епархиальные ведомости", 1909, № 22, 15 ноября.

31. ЦГА Каз. ф.И-44, оп.1, д. 2547, л.82.

32. ЦГА Каз. ф.И-44, оп.1, д.3653, л.2

33. Церковные ведомости, 1908, № 36, 6 сентября.

34. Туркестанские епархиальные ведомости, 1908, №7, 1 апреля.

35. ЦГИА РФ. ф. И-796 (Канцелярия Св.Синода), оп.442, д.2307, д.99.

36. ЦГА Узб. ф. И-961 (Туркестанская духовная консистория), оп.1, д.1079, л.1.